

ДЛЯ МАЛАГОВИЧЕЙ СТРАНИЦА

П. Апаньев

Моя зависть

РАССКАЗ

В детстве я крепко завидовал умению своего сверстника Женеки Польского мастерски копировать рисунки из книжек и, в конце концов, сам начали рисовать. Увлекся. И хотя я давно понял, что Репиным мечта не стать, я не утратил этой своей страсти, а также зависти к тем, кто владеет кистью лучше меня...

В техникуме мне здорово импонировал нескладный, на первый взгляд, долговязый Лешка Сорокин, преуспевающий и на лыжне, и на стрельбище, и на водной трассе. И втянулся Лешка меня в свою орбиту: я набивал мозоли, сидя за ним, затребывая, на веслах щипчики, «гонял» за ним с распахнутым настежь ртом по гористой лыжне. И все-таки был полон зависти: я отставал от него на целый разряд. Но я и сегодня не теряю спортивной формы и надежды, что мне удастся улучшить свой результат.

Уже работая мастером, я был в одной комнате с Санькой Полтарыхиным — таким увальнем со светлой головой, до отказа набитой крепкими и быстрыми «шариками» и «роликами». Санька заочно учился в институте и «между делом» заваливал БРИЗ остроумными и толковыми предложенными.

Саньку любили все, с Санькой считались. Так могли я не поступить в институт и не освоить сказочный мир всесильных математических формул? Может быть, этот мир распахнет передо мной двери к призванию и признанию?..

Так нет же, судьба свела меня с Гришкой Ительменовым — порывистым, как мальчишка, с пылкой пушкинской душой! И все пошло в тартарары! Перенятая у Гришки любовь в поэзии буйным всесокрушающим огнем заслонила передо мной весь белый свет! Вот и майся теперь муками слова до последних дней своих...

Вокруг столько интересных людей! И у каждого — свое место в жизни, свое призвание.

А я все чегото ищу, все комуто завидую...
1. Салаир.

ОТ НАШЕЙ деревни ручкой подать до леса. Лес небольшой, нечестный, и родители отпускали меня за грибами одного: заблудиться было нечего.

Иду раз по сосняку, шарю глазами понизу, и вдруг из-под ног как раскатится: фыр-фыр! Я так и присел от неожиданности. Будто кто горсть камней по траве швырнул: рыбачат! Сами с воробы, а шуму столько наделали... Шустрые!

В тот же миг откуда-то сверху — ястреб-тетеревятник. Чуть крылом не задел. Я взмахнул руками. Он, конечно, отлетел в сторону, но в нескольких шагах сел на сломленную березу. Сел и одним глазом

Для ваших ребят

РЯБЧИХА

РАССКАЗ

на меня уставился, а другое перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!

А где же рыбачата? Я глянул перед собой — не видно. Наклонился было

за камнем, чтобы запустить в тетеревятника, а они

возле самых ног моих. Лежат, прижавшись к земле, и не шелохнутся. Да не

одни: мать их, рыбачиха, взвеершенная такая, каж-

ше перышко торчком стоит, поднимается с земли и между ног моих — ну, не понятно. Помешал-таки я разбойнику!